

**НЕ ВОШЕДШЕЕ
В КНИГУ «РУССКОЕ»:
из «Шестого сборника»
(архив Александра Шаталова)**

Лопухи растут с пригорка
и пчела траву толкнула
Совершив своё движенье
Вновь трава уже уснула

Я — Лимонов — мне известно
Я уж десять лет из дома
и трава и милосердье
и усталость мне знакома

В мягком свете чужой дачи
Миновав своих предательств
Я сижу и улыбаюсь
нету больше доказательств

Всё взметнулось. и ветер задрал юбку
Завязки у шляпки. улыбка. юбку
и резко рванул. и улыбка и складки
и я целую тебя как губку. мокрую. сладко

И сирень и сливы и всё вместе
Сочные сирень. сливы. сердце. собачка
Я люблю быть на своём месте —
дождик. песок и немножко лести
холод и сад. и забытая тачка

Стол и щели. занозы. и ветер. Лавка
Вот у меня оборвалось а есть ли булавка?
Да есть. И конечно большая?
Ну а чего тебе? что тебе? — злая

Ты бы сумела придраться и к тучке
И он целует продолговатые ручки
А ветер играет нарядом
и всем этим годом и садом

**НЕ ВОШЕДШЕЕ
В КНИГУ «РУССКОЕ»:
из «Шестого сборника»
(архив Льва Кропивницкого)**

В белом платии
с скрытой плотию
только шейка наружу глядит
я люблю тебя — область дýхова
и волос твоих вьющийся вид

Как деревья ранне-майские
ты заслуживаешь поклон
Если б видел я кущи райские
то из них бы я выбежал вон

Сочинителю удивлённому
мне садилась поближе весна
Я люблю тебя — область духова
как ты медленно разведена

в водах озера
в плачах дерева
почему на дороге мосты
так затейливо так изогнуты
неужели и это всё ты!

И словно ядовитые ядовитые вновь
разносятся мои слова над холмами
они повешают рощи и поля
сидят на корточках
нет не слова а сгустки

и словно ядовитые как память как память
эти туманные шарики
это неопределённое нечто
это плавающее медузообразное
горделивое концами и обрывками
это малозажигающееся при луне
оно путешествует вылетов из комнаты
вылетов от меня в состоянии жары

и когда под вечер потный крестьянин
наклонясь к ветру идёт домой
вытерев руки о пеньковую рубаху
поклонясь коллективизации и от неё трепеща
он думает вывести новые сорта растений
со скорбным своим именем
расправляясь сорок лет
Жена и дети растопырив руки
встречают его на пейзаже
перед побелённым домом
встряхивают гривой деревья. мычит корова
Всё происходит с помощью времени.

В доме горшок горячий со щами
Удобная и вечная расстановка сил
отец во главе. мать между всеми
дети с лицами выражающими новые времена
и тихое непокорство порывание к небу
у самой младшей слегка больной

ночь нет сил состязаться с ночью
сон охватывает белые члены
тело матери не очень возбуждено
кому нечего делать забавляется в городах
А здесь скрупулёзный сон объял супругов

В бывшем помещичьем парке темно
и там строголистые сплошные деревья
мудро вспоминают
пана с девичьим лицом
книги читающий прежде

с образованием на лице и с породой на пальцах
был он 22-м или 23-м потомком
А вообще это не имело значения
так как в столице все равны
Пан пал жертвою породы
он что-то думал о мире невозможное
он имел такие какие-то представления
что выжить и жить уж конечно не мог
Он повёл себя глупо и невероятно
Бросил получать деньги. телом слабел
писал лишающие надежды трактаты
слова бежали по бумаге чёрные из себя...

сплодотвори меня — говорила сельская мать
и и рокотали лягушки
Я буду ребёнка прилично ждать
сводя на затылке ушки

А ей отвечали: ещё не пора
внимательна будь и достойна
пожалуй случится всё утром. с утра
когда полуспишь и спокойна

И вот на рассвете. едва озарил
картину. лежащей тело
Пришёл. прислонился. раздвинул и влил
Ей чуждое. встала и села

На храме деревья росли. и молчал
день хмуρο перемещался
содеявший смерти испуганно ждал
и в жизни своей сомневался

Она уж была и большая как храм
и страшно зверино молчала
чего уже делать в присутствии нам
пожалуй уйдём как попало

«РУССКОЕ»: из сборника «ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ» (1973–1974)

КРЕСТЬЯНСКОЕ

Крестьянская сельскохозяйственная поэма
от руки ветеринара
от его волосатой тужурки полетела вверх
и уже полный разброд
подтверждает её нахождение в воздухе

потому что наклонились
бесполезные берёзки
ещё более бесполезные клёны и ясени
возмутительно спокойный дуб

О поля! как хорошо вы выглядите гуляющему
и пропадите вы пропадом
когда вас нужно обрабатывать
и когда вы прикреплены к земле
свеклой картошкой и другими разными препаратами

впрочем ранняя яичница не помешает
развесистое сало выказывает потребителя
Крестьянские школьники довольно бедны
их лица выказывают социальную ограниченность
А что до того Кому на Руси жить хорошо
так это конечно жителям городским

и тем не менее. рутина. привычка и нежелание
оставляют на местах всех. почти всех

Блажен удравший из колхозного рая
А может не блажен. кто его знает

На уровне знаний можно стать председателем
летний денёк. дыни. бахча
мухи не влетают в открытую форточку
открытый автомобиль ждёт в картузе

Все окают или украинизируют
не очень торопятся. как-то так
перепоясанный бритый затылок. Начальство
под вишнями пьёт чай

Пыльной дорогой под старость лет
недалгие концы. Знакомых немного. Впрочем
всё село. и ещё село. и дальнейе село — довольно-таки много...

В сухие растения ранней весной. для обработки
повесил пиджак. Вкривь и вкось трактор
виляет. толстые пальцы в чёрной земле
Сухая колосится в августе глупо
Сельские приключения. Не до прелестей нам
Самая лучшая девка уехала в город
Более худшая досталась женой

И с презрением отворачиваешься от деревни
Да город суетен. жаден но он не пропал в тени
И вот боязливо ты едешь в город
А сколько ещё этапов. преодолеешь завод
страхи боязни. И когда уже выйдешь из общества
на вечерней заре твоей жизни
с истончёнными чувствами-книгами лицом

то что можно сказать —
один оставшись
понимай — всё напрасно
или не напрасно проделан путь
Теперь вот и можно
навестить родной бугорочек
знакомая птица предложит
к тебе на руку сесть

Гони её прочь!
В зле заключается мудрость
И если имеешь ученики
злыми их быть учи

А в общем-то напрасно... напрасно
завершение это всегда мерзко
обратимся же к самому началу

итак из руки ветеринара
крестьянская сельскохозяйственная поэма
полетела не зная куда

впереди ещё целая жизнь

«Пелена снегов. одеяло снега
вечер слазит к нам
и скрипит машина (читай телега)

и давно уже разбитной мужик
он к колхозу привык
и легко душе

Сколько пуговиц,
расстегну и выйду к месяцу
и наружу грудь
по русской привычке
спьяну с лестницы

озирать буду вверху куст звёзд
как горят солнца-вселенные
А земля наша мала
и на ней мы пленные

ограничен я. но пламя моё божественно
я совсем не стесняюсь тебя
и ты женщина —

любимая до зверского кишечного ужаса
Я люблю тебя. И Версаль. Вольтер
и супружество

известных ранее знаменитых пар
Лаура — Петрарка
Элоиза — Абеляр»

все это в мозгу витает школьника
Как он вышел на снегу
смотреть вверх
одет простенько

и смотрит подлец, понимает всё
и ему плачется
А нежный отец, зовёт иди. иди
А сын артачится

Осень. опять отягчённая плодами и тучами
распахнутая грудь проезжих деревень.
Оживились призраки. утром в сени
натыкаясь со сна. обнимаешь их

За домом в терновнике и в переходных досках забора
— вековой покой — страшная жмудь и дремь
мёртвые крестьяне взирают с кладбища
и живые колхозники по тропинкам разбрелись

Мило. домашне урчит трактор. как будто на кухне
возится утром тракторист
Сейчас мы поедем. везя холодную кукурузу
и я размышляя. куда же по смерти присоединюсь

И собою управляя
в отрицательной зиме
как лошадка удалая
мчался с мыслию в уме:

— Жутко. холодно. ужасно!
в жарких странах нет сего
там умильно и прекрасно
светит солнце-божество

О Ра-Гелиос! О милый!
Растопи ты нам снега
И сердца смягчи унылы
Белы реки в берега

Возврати. пускай их плодно
растекаются назад
и растения свободно
пышно ветками висят

Избы серые красиво
измени иль уничтожь
пусть бежит нетерпеливо
бурный южный русский дождь

Чтоб не грязи а базальты
белы мраморы. гранит
Пусть испившиеся альты
ветер спрячет и сманит

Пусть кричит гармонь-цикада
Нависает на плечо
красота из винограда
Также думал я ещё

что давно и Пушкин злился
Лермонтов в мундир зевал
Да и кто здесь веселился
над пространствами не спал

Нам бы меньше и уютней
эту родину мою
обработанней. лоскутней
чтоб участки на краю

Мы подобно ближним немцам
воспитали в гладкий пух
и морковка. помидоры...
а у нас растёт лопух

и на наши огороды
страшно с светлою душой
мы дремучие народы
и пейзаж у нас такой

Грибоедов постепенно
нас пороками дразнил
мы смеялись неизменно
и под смех порок царил

Нет у нас демократически
невозможно проживать
Даже наш герой лирический
Въяве будет убивать

Водку пить. губить возлюбленную
забираться на кровать
и кричать про жизнь погубленную
и рубаху разрывать

«Я такой! Я очень мерзостный!
от меня живое прочь!»
скушен этот вопль дерзостный
разглашает тайну ночь

Тайна скушная обидная
что мы лень и суета
А Европа ярко-видная
тоже может быть не та

*Посвящается Александру
и Наталье Салнит*

Грандиозные морозные
пространства серьёзные
и открытые чистые
поля русские серебристые
Северных людей в снегу жильё
Изба из которой твоё и моё
началось давно по миру шествие
хрустит собака и мягкая шерсть её
возит по снегу и снегом забита

Собака и Богу и людям открыта
Отворяем глаза и видим собаку
гладим. зовём. окликаем по всяку
— Бобик! Шарик! Тобик и Мишка!
Дашка! Помпон! Алевтина и Тишка
Эти животные за нами идут
когда мы на речку на рынок на пруд

и летом в пыли интеллигентские ноги
собаки же резвые в виде подмоги
являют пример нам энергии тела
хвостом помогают. верны нам всецело
А мы им за это и кости. отходы
И мясо для тех кто особой породы

Но мы отошли от избы. полагаю
что там начинается всё что я знаю
Впервые изба и труба и огонь
и ранее бодро осёдланный конь
Жена молодая и кошка и дети
Вот всё что люблю и приемлю на свете
И дед. и вот бабушка. стол. внуки. внучки
одни веселы а другие как тучки
Но тот из семьи кто весёлый других
собою поддержит кто слабый и тих

Обед за большим деревянным столом
Хлеб дедушка режет хозяйским ножом
и мясо он делит и каждого суп
в лицо ему пустит внушительный клуб
Петрушкой посыпет нам мама наш суп
И дуйте на ложку из трубочкой губ

Весёлое дело. спокойные сны
А ныне такие нам семьи странны
Скорее семья где есть он и она
сыночек один или дочка одна
И пусто у них за столом и нешумно
такая семья поступает неумно
Расширьте свой круг. стол купите большой
Детей нарожайте. с большою семьёй
они вырастают скорее. быстрее
и жить плодотворней и жизнь веселей
А что же касается тайных желаний
на тёмной поляне укромных свиданий
то тут проявляется весь человек
Но сны из окраин у мозга вовек
Вовек не затмят нам заглавного зова
«Плодящая яблонь» Плодиться здорово

А русский пейзаж приближается к маю
А в мае красиво как сбоку так с краю
Внутри же лесов и на мятных полях
идёт человек и травую пропах
Другой человек с одноногой лопатой
Чего-то сажает и солнцем богатый
И труд. и спина. и моркови и лук
и все насекомые. жук и паук
гусеница. мошка. пчела. мухоловка
все сильны здоровы. все прыгают ловко
летают порхают. себя подают
гляди человек — мы красивые тут!
И даже комар — ты не бойся его
укусы к обеду приятны. вольго-
тно наевшись зелёных трав

варёных в огне разнообразных приправ
с коричневым телом сидишь ты горяч
Но дух наступает на тело хоть плачь

И станцией рядом лежащей ты схвачен
посажен в вагон и потащен. где дачи?
уже здесь пески и морщинисты кровли
узбеки в халатах без рыбных ловли
живут промышляя плоды ближних гор
оттуда потоки бегут с давних пор
Советские ханы в прохладных садах
нагие лежат восклицая «Вах-вах!»

.....

Побеги свершают пропащие души
Но разве живут они с нами на суше
Их сфера другая. их мир невидим
и можно и нужно сочувствовать им

Наши национальные подвиги. гонят немцев на их родину
сорок четвёртый год подгоняет. бьёт танками
и русскими солдатами по хребту немецкого зверя.

Сорок четвёртый год храброй загорелой рукой
схватив множество танковых армий за дула
бьёт немецкого сержанта
который съёжился и меньше стал

Зацветает пышное лето
и шумят полуосвобождённые страны
торчат руины из национальных костюмов

Русский с другими братьями
стоит рядом принимая героические позы
То выдвинет подбородок
то грозно сверкнёт очами
то добродушно обнимет белоруса

и всё это на фоне колыхающихся знамён
с территории России свозят в одну кучу
железный лом
мне Лимонову один год.

О ЛИЗЕ

Когда в лугах она лежала
У ней коленочка дрожала
Она ждала себе всегда
Рыбак придёт к ней от пруда
и принесёт часть рыбной ловли
под тень под сень крестьянской кровли

И Лиза благодарною была
Не забывала кровь в ней чья текла
Не забывала про дворянство
Хотя вокруг сидит крестьянство
и грубый молодой мужик
к ней приставать уже привык
Отстань унылый идиот!
Но всё же грела свой живот
Исподтишка хотела всё же
прикосновенья чуждой кожи

Так и тридцатый и тридцать второй
проходит год в туман седой
Земля вертится и на ней
вертится Лиза. из полей

уж стадо на зиму ушло
в дубовые сараи
и Лиза правду повторяя
гуляет с Прохором назло
и своему дворянству и крестьянству
склоняясь больше к хулиганству
согласно которому нет племени и рода
и отношениям объявлена свобода

И за штаны любого мужика
тащи-тяни внутри горит пока

А в воздухе деревья и зима
на кой всё черт — не приложить ума

Уйти уехать или убежать?
Но более знакомое — лежать
Так всякий русский на диване на кровати
лежит бывало не снимая платий

Боясь крича визжа и плача
или молча и ничего не знача

Какие волки? Что за пустяки!
доносятся призывы от реки
Там волков много
Там волков полки
А здесь вот этажерка. её полки
Скатёрочка висит до самой чёлки
и обожаемые Леонид Андреев
А. Ка. Толстой и несколько евреев
которые наверно и почти
сказать сумели русское «прости»

Засасывает жизнь смешную Лизу
Зато она не превратилась в шизу
хотя её и мнут простые руки
избавлена она от худшей муки...

Итак вросла... жила и умерла?
Не умерла. мы вечно забегаем
Она живёт а мы о ней не знаем

Дурман-туман над русскою страной
Шумит плотин однообразный строй
Кладут бетон. и нефть с ладони льётся
И бригадир откинув чуб смеётся

Газеты валом валят и студенты
из деревень. отсутствуют моменты
их трения с родным рабочим классом
И лозунги к глазам подходят разом
Стоит народ, читает простодушно
интеллигент зевает, что-то скушно
и как-то так, и как-то так — никак
А сверху неба вечный мутный зрак

Я верю в учебник ботаники
Ах только лишь там отдохнёшь
Семейство тайнобрачных качается
Семейство амариллисовых тож

П. Беленку

Ах прекрасны Харьковская и Киевская
губернии
И Херсонская хорошая
Здесь лениво течёт детство
Никто не мешает ему
замедленно протекать

Таракан лёгок и сух
и упадёт не разобьётся
Это детство Пети
Это и моё

Здравствуй Пётр Иванович
Здравствуй Пётр Иванович
Здравствуй Пётр Иванович
Беленок